АЛАН АЛЕКСАНДР

МИЛН

ТАЙНА КРАСНОГО ДОМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М60

Серия «Классический детектив»

Перевод с английского *И. Гуровой*

Серийное оформление
и дизайн обложки *В. Половцева*

Милн, Алан Александр.

М60 Тайна Красного дома : [роман] / Алан Александр Милн ; [перевод с английского И. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2027. — 288 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-185293-1

Опубликованный в 1922 году роман «Тайна Красного дома» считается образцовым примером «убийства в запертой комнате».

Марк Эблетт устраивает вечеринку в своем роскошном загородном особняке. В разгар вечера из Австралии возвращается его родной брат Роберт — непутевый мот, считающийся в семье «паршивой овцой».

Вскоре Роберта находят мертвым в закрытом кабинете брата, а сам хозяин таинственным образом исчезает...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-185293-1

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2027

Введение

Когда несколько лет назад я сообщил моему литературному агенту, что собираюсь написать детективную историю, он совладал с собой настолько быстро, насколько можно было ожидать, но дал мне ясно понять (как череда редакторов и издателей позднее втолковала ему), что от известного юмориста Панча страна ждет юмористическую историю. Тем не менее я твердо остановил свой выбор на жизни, отданной преступлениям. В результате, когда два года спустя я объявил, что пишу сборник детских стишков, мой агент и мой издатель оказались равно убеждены, что англоязычные нации больше всего жаждут нового детектива. Миновало еще два года, и аппетит читающей публики опять изменился; и теперь очевидно, что новый детектив, написанный вопреки этой неуклонной всеземной потребности в книгах для детей, будет проявлением самого дурного вкуса. А потому в данный момент я удовлетворюсь этим введением к новому изданию «Тайны Красного дома».

Я питаю страсть к детективам. Некий восторженный поклонник пива сказал, что плохим

оно быть не может, однако некоторые сорта бывают лучше других. В том же самом хмельном духе (если мне будет дозволено употребить такое выражение) я беру в руки каждый новый детектив. Это вовсе не означает, что я не взыскателен. Напротив, у меня есть всякие своеобразные предпочтения, и автор должен удовлетворить меня по многим закавыкам, прежде чем я смогу присудить ему почетную степень. К примеру, я предпочитаю, чтобы детектив был написан нормальным языком. Помнится, я читал один, в котором убийство было особо завлекательным, и строились всяческие предположения, каким способом преступник пробрался в библиотеку убитого. Сыщик, однако (говорит автор), «был куда более озабочен тем, чтобы обнаружить, каким способом убийца осуществил свой уход». По-моему, очень огорчительно, что в девяти десятых детективов в мире убийцы постоянно осуществляют свои уходы, вместо того чтобы просто взять и уйти. Ищейка, герой, многие подозреваемые — все употребляют этот странный воляпюк. И как тут не почувствовать, что ни естественное возбуждение, если прикончили того, кого следовало, ни напряжение, если подозревают не того, кого следует, не могут послужить достаточным извинением столь постоянным потокам дурного языка.

О великом вопросе Любви мнения могут разделяться, но я ее не терплю. Читатель изнемогает от нетерпения узнать, была ли белая субстанция на тартинке мышьяком или пудрой, и его нельзя держать в неизвестности, пока Роланд сжимает

руку Анджелы «на мгновение дольше, чем дозволяет требование общества». За это мгновение, потраченное надлежащим образом, могло бы произойти многое: следы отпечатались или были бы обнаружены, сигаретные окурки подобраны и положены в конверт. Бога ради, предоставьте Роланду целую книгу сжимать все, что ему нравится, но в детективе он должен заниматься исключительно делом.

Что до сыщика, я, во-первых, требую, чтобы он был любителем. В реальной жизни, без сомнения, наилучшие сыщики — это профессиональные полицейские, но ведь в реальной жизни наилучшие преступники — это профессиональные преступники. В наилучших детективных историях злодей — дилетант, один из нас. Мы общаемся с ним в гостиной убитого, и против него бессильны любые досье, любая индексация, любая систематизация отпечатков пальцев. Только сыщик-любитель — только он один способен обличить виновного светом строгих индуктивных построений и логикой суровых беспощадных фактов. Да, этот свет и эту логику я ему позволю. Долой ученого сыщика с микроскопом! Какое удовлетворение получим мы с вами, пока знаменитый профессор изучает крохотную пылинку, оставленную убийцей, и приходит к выводу, что он живет между пивоварней и мельницей? Какой трепет волнения испытаем мы, если пятно крови на носовом платке пропавшего человека докажет, что его недавно укусил верблюд? Лич-

но я — ни малейшего. Слишком уж просто для автора, слишком уж сложно для его читателей.

Вот, в сущности, то, к чему мы пришли: сыщику не следует иметь больше специальных знаний, чем среднему читателю. Читатель должен ощущать, что прибегни и он к свету строгих индуктивных построений и логике суровых беспощадных фактов (на что с благословения небес вполне способны мы все), то и он тоже установил бы, кто виноват. Конечно, автор не может представлять улики так, чтобы они были равноценными для читателя в его библиотеке и сыщика возле трупа. Шрам на носу одного из гостей может ничего не подсказать сыщику, но самое упоминание его автором тут же придает ему непомерную важность. Не стоит ни обижаться, ни удивляться, если автор, сознавая это, для уравновешивания легонько пробегает по носам других гостей, возможно, с большей щедростью на улики. Мы не имеем права жаловаться при условии, что и автор, и сыщик оставили свои микроскопы дома.

Ну, а как насчет Ватсона? Нужен ли нам Ватсон? Да, нужен. Смерть автору, который приберегает распутывание целиком до последней главы, превращая все предыдущие главы всего лишь в пролог к пятиминутной драме. Так вообще детективные истории не пишутся. Разрешите нам от главы к главе знать, что думает сыщик. Для этого он должен либо ватсониться, либо произносить монологи. Первое — всего лишь диалогизированная форма второго, и благодаря этому более

надежная. Итак, Ватсон. Но вовсе не обязательно дурак Ватсон. Ну, пусть он будет немного тугодум, подобно столь многим из нас, но благожелательный, человечный, симпатичный. Теперь вы поймете, как возникла «Тайна Красного дома». До сих пор, написав что-либо, я находил лишь одно извинение: мне хотелось это написать; и мне следовало бы столь же гордиться, разрешившись «Телефонной книгой» con amore*, как следовало бы стыдиться, сотвори я трагедию белым стихом по требованию других. И все же я много раз предпочел бы этой книги не писать, так как чувствую, что с точки зрения поклонника жанра она почти приближается к идеалу детективного романа. Хотя я никогда этого поклонника не видел, я знаю его так близко! Я точно знаю, что именно он хотел бы найти в ней, а чего не хотел бы. Я сверялся с его желаниями, с его предубеждениями на каждом шагу… Грустно думать, что это теперь единственная детективная история в мире, которую он никогда не сможет прочесть.

А. А. М.

Апрель 1926 г.

---

* С любовью (*ит.*).

Глава I

МИССИС СТИВЕНС ПЕРЕПУГАНА

В СОННОЙ ЖАРЕ ЛЕТНЕГО ДНЯ Красный дом предавался сиесте. Пчелы лениво жужжали в цветочных бордюрах, голуби томно ворковали на вершинах вязов. С дальней лужайки доносился рокот газонокосилки, самый отдохновительный из всех сельских звуков, делающий отдых еще слаще, потому что другие работают.

Был час, когда даже тем, чья обязанность — обслуживать потребности других, открывается возможность улучить минуту-другую для себя. В комнате экономки миловидная горничная Одри Стивенс подновляла свою лучшую шляпку и болтала о том о сем со своей тетей — экономкой и поварихой в холостом доме Марка Эблетта.

— Для Джо? — благодушно спросила миссис Стивенс, глядя на шляпку.

Одри кивнула. Она вынула булавку изо рта, отыскала для нее местечко на шляпке и сказала:

— Ему нравится розовый цвет.

— Да мне и самой розовый цвет по вкусу, — сказала ее тетя. — Джо Тернер не один такой.

— Розовый всем к лицу, — сообщила Одри, вытянув руку со шляпкой и придирчиво глядя на нее. — Модно, правда?

— Она тебе к лицу, и мне была бы в твои годы. Слишком шикарна для меня теперь-то, хотя, думается, она все равно пошла бы мне больше, чем некоторым. Я никогда не изображала из себя того, кем не была. Коли мне пятьдесят пять, так мне пятьдесят пять, и дело с концом.

— Пятьдесят восемь, верно, тетечка?

— Я же это просто в пример привела, — сказала миссис Стивенс с великим достоинством.

Одри вдела нитку в иголку, повернула руку и критически оглядела свои ногти, а затем принялась шить.

— Как-то странно насчет брата мистера Марка. Чтоб пятнадцать лет не видеться с братом! — Со смущенным смешком она продолжала: — Не знаю, что бы я делала, не видайся я с Джо пятнадцать лет.

— Как я вам всем объяснила нынче утром, — сказала ее тетя, — я тут уже пять лет, и я слыхом не слыхала ни про какого брата. И повторю перед кем угодно, умри я завтра. Пока я была тут, никакого брата тут не было.

— Ты бы перышком могла сбить меня с ног, когда нынче утром он заговорил со мной про него за завтраком. Я, конечно, не слышала, что было раньше, но они все говорили про этого брата, когда я вошла… А вошла-то я почему? «Горячее молоко или гренки?» Ну, они все разговаривают, а мистер Марк оборачивается ко мне и говорит,

ну, ты знаешь его манеру… «Стивенс, — говорит он, — мой брат приедет повидать меня сегодня днем. Я ожидаю его около трех, — говорит он. — Проводите его в кабинет», — говорит он вот прямо так.

«Да, сэр», — говорю я спокойно так, но в жизни я так не удивлялась. Я же не знала, что у него есть брат. «Мой брат из Австралии», — говорит он… Чуть не позабыла. Из Австралии.

— Ну, может, он и был в Австралии, — сказала миссис Стивенс рассудительно. — Ничего сказать не могу, страны-то этой я не знаю. А вот что я говорю, так это то, что здесь он никогда не бывал. Все то время, пока я служу здесь. А это пять лет.

— Так, тетечка, он же не был здесь пятнадцать лет. Я слышала, как мистер Марк сказал мистеру Кейли: «Пятнадцать лет», — говорит он. Мистер Кейли у него спросил, когда его брат последний раз был в Англии. Мистер Кейли знал про него, я слышала, как он сказал мистеру Беверли, только не знал, когда он последний раз был в Англии, понимаешь? Вот почему он и спросил мистера Марка.

— Я про пятнадцать лет ничего не говорю, Одри. Я могу говорить только про то, что знаю, а это пять лет на Троицу. Я могу поклясться, что ноги его в доме не было пять лет, считая по Троицу. А коли он был в Австралии, как ты говоришь, ну, так причин у него для этого хватало.

— Каких причин? — спросила Одри весело.

— Неважно, каких причин. Заменяя тебе мать с тех пор, как твоя бедная мать умерла, я вот что скажу, Одри: коли джентльмен отправляется в Австралию, так у него есть на то свои причины. А когда он остается в Австралии пятнадцать лет, как говорит мистер Марк, и, как я сама знаю, на пять лет, у него есть на то свои причины. И респектабельно воспитанная девушка не спрашивает, какие это причины.

— Вляпался в историю, надо думать, — сказала Одри беззаботно. — За завтраком они говорили, что на него управы не было. Долги. Хорошо, что Джо не такой. У него в сберегательной кассе почтового отделения накоплено пятнадцать фунтов, я тебе говорила?

Но в этот день разговоров о Джо Тернере больше не было. Звон колокольчика заставил Одри вскочить — уже не Одри, а Стивенс. Она поправила чепчик перед зеркалом.

— Парадная дверь, — сказала она. — Это он. «Проводите его в кабинет», — сказал мистер Марк. Наверное, не хочет, чтоб другие леди и джентльмены его видели. Ну, да они все равно отправились на свой гольф. Интересно, остановится ли он тут? Может, он привез из Австралии кучу золота… Может, я что-нибудь услышу про Австралию, ведь если кто захочет, может разжиться там золотом, так почему бы Джо и мне…

— Ну-ну, поживей, Одри!

— Да иду же, иду, душечка. — И она ушла.

Для всякого, кто только что прошел по подъездной аллее под августовским солнцем, отворен-

ная дверь Красного дома открывала вход в восхитительно манящий вестибюль, самый вид которого уже овевал прохладой. Обширное помещение с низким потолком из дубовых балок, с кремовыми стенами и окнами из мелких ромбовидных стекол с голубыми гардинами. Справа и слева были двери комнат, но прямо напротив вас, когда вы входили, были еще окна, за которыми виднелся зеленеющий травой дворик, а из открытых окон веяло сквознячком. У правой стены широкие низкие ступеньки лестницы поднимались вверх, поворачивали влево и вели вас по галерее, протянувшейся через всю ширину вестибюля к вашей спальне. То есть если вы собирались остаться на ночь. Намерения мистера Роберта Эблетта в этом отношении все еще оставались неизвестными.

По пути через вестибюль Одри чуть вздрогнула от неожиданности: на сиденье под одним из окон фасада неприметно сидел, читая книгу, мистер Кейли. Никаких причин, почему бы ему и не сидеть тут. Бесспорно, куда более прохладное место, чем поле для гольфа в подобную погоду. Однако в эти дневные часы дом выглядел покинутым, будто все гости ушли куда-то или спали в своих комнатах, что было бы самым разумным. Мистер Кейли, кузен хозяина, был неожиданностью, и Одри, вскрикнув, когда внезапно увидела его, покраснела и сказала:

— Прошу прощения, сэр, я вас было не заметила.

А он оторвался от книги и улыбнулся ей. Такая привлекательная улыбка на этом большом

безобразном лице. «Настоящий джентльмен, мистер Кейли», — подумала она, направляясь дальше и прикидывая, что хозяин делал бы без него. Если этого брата, например, надо будет спровадить назад в Австралию, спроваживание устроит мистер Кейли.

«Вот, значит, мистер Роберт», — сказала себе Одри, едва увидела посетителя.

После она сказала своей тете, что сразу где угодно поняла бы, что он брат мистера Марка, но она сказала бы это в любом случае. На самом же деле она крайне удивилась. Щеголеватый маленький Марк с аккуратно заостренной бородкой и тщательно закрученными усиками, с быстро стреляющими глазами, всегда, в любом обществе, перескакивающими с одного на другого, чтобы поймать еще одну одобрительную улыбку, когда он сказал что-то удачное, еще один предвкушающий взгляд, пока он ждал своей очереди сказать это, — нет, он был совершенно другим, нежели неотесанный, скверно одетый приезжий из колоний, который хмурился на нее исподлобья.

— Я желаю увидеть мистера Марка Эблетта, — пробурчал он. Это прозвучало почти как угроза.

Одри справилась с собой и успокаивающе улыбнулась ему. У нее имелся запас улыбок для всех и каждого.

— Да, сэр, он вас ожидает. Вот сюда, сэр.

— А! Так ты знаешь, кто я?

— Мистер Роберт Эблетт?

— Ага, верно. Так он меня ожидает, э?

— Вот сюда, сэр, будьте так добры, — сказала Одри чопорно. Она подошла ко второй двери слева и открыла ее.

— Мистер Роберт Эб… — начала она и осеклась. Кабинет был пуст. Она обернулась к мужчине позади себя. — Вы не присядете, сэр? А я найду хозяина. Я знаю, он тут, ведь он сказал мне, что ждет вас сегодня днем.

— А! — Он огляделся. — И как вы называете эту комнату, э?

— Кабинет, сэр.

— Кабинет?

— Комната, где хозяин работает, сэр.

— Работает, э? Что-то новенькое. Не знал, чтобы он хоть одну минуту в жизни поработал.

— Где он пишет, сэр, — сказала Одри с достоинством.

Тот факт, что мистер Марк «пишет», хотя никто не знал, что именно, был предметом гордости в комнате экономки.

— Одет не для гостиной, э?

— Я доложу хозяину, что вы здесь, сэр, — сказала Одри категорично.

Она закрыла дверь, оставив его там.

Ну-ну! Будет что рассказать тетеньке! Мысли ее были заняты одновременно всем тем, что он сказал ей, а она сказала ему — спокойно так. «Чуть я его увидела, говорю себе…»

Однако сейчас первым делом надо было найти хозяина. Она прошла через вестибюль к библиотеке, заглянула туда, неуверенно попятилась и остановилась перед Кейли.

— Простите, сэр, — сказала она почтительно и негромко, — вы не можете мне сказать, где сейчас хозяин? Пришел мистер Роберт.

— Что? — сказал Кейли, отрываясь от книги. — Кто?

Одри повторила свой вопрос.

— Не знаю. Разве он не в кабинете? После ланча он поднялся к «храму». И больше я его не видел.

— Спасибо, сэр. Я пойду в «храм».

Кейли вернулся к своей книге.

«Храм» был кирпичной беседкой в садах за домом, ярдов примерно в трехстах от него. Там Марк иногда предавался размышлениям перед тем, как удалиться в «кабинет» и запечатлеть свои мысли на бумаге. Мысли эти особой ценности не представляли, к тому же они чаще сообщались за обеденным столом, чем попадали на бумагу, а на бумагу попадали чаще, чем в печать. Однако это не мешало хозяину Красного дома чуть-чуть страдать, когда гость использовал «храм» с беззаботной небрежностью, будто он был воздвигнут ради пошлого флирта и курения сигарет. Был случай, когда двое его гостей попались там за игрой в файвз. Марк в тот момент ничего не сказал, лишь спросил — чуть-чуть не так мягко, как обычно, — не могли бы они выбрать для своей игры другое место, но осквернители больше никогда в Красный дом не приглашались.

Одри медленно поднялась к «храму», заглянула внутрь и медленно вернулась. Туда-сюда — и понапрасну. Может, хозяин наверху, у себя